УДК 130.2 Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2016. Вып. 4

Л. П. Морина, Е. Г. Соколов

ПРЕЦЕДЕНТ 256

Статья вызвана к жизни неким событием в научном мире, названным авторами «прецедент 256», привлекшим внимание ученого сообщества своей неординарностью. Исследованию сущности и закономерностей возникновения данного феномена в современной культуре и посвящена эта статья. Авторы исходят из того, что анализируемый прецедент не стоит особняком в современном культурном пространстве, но связан причинно-следственными отношениями с основными тенденциями современной культуры, более того, является ярким репрезентативным выражением происходящих в современном мире ментальных сдвигов. Услуга, товар, конкуренция, реклама, тотальная регламентированность шагов-действий-движений и их унификация, максимальный контроль, ритуализированные регламенты, главенство делопроизводства по отношению к собственно производству — всё это предельно и с переходом в фарс выразилось в анализируемом прецеденте. Складывающаяся калькулирующая система мышления становится формой новой рациональности: буква — идолом, наукометрия, ритуал вычисления достижений, подведения итогов, составления таблиц и заполнения форм отчетов — вполне сакральным механизмом сборки научного субъекта. Авторы утверждают, что таким образом мы присутствуем при рождении новой, виртуально-ритуалистической реальности с уникальными пространственно-временными параметрами. Вместе с этим формируется и новый тип социальности, основанный на обезличенном алгоритме действий, типических схемах поведения. Происходит своего рода «антропологическая интервенция», в результате которой единственное пространство, где субъект может постулировать и реабилитировать себя, — это стихия знаков, букв, цифр, калькуляций, делопроизводства в широком смысле слова. Библиогр. 7 назв.

Ключевые слова: наука, ритуал, мир повседневности, регламентация, рациональность, субъект.

L. P. Morina, E. G. Sokolov

PRECEDENT 256

The article was brought to life by a new event in the scientific world called by the authors “precedent 256”. This attracted the attention of the scientific community with its originality. The study of the nature and laws of occurrence of this phenomenon in modern culture are in the focus of this article. The authors believe that the analyzed precedent does not stand apart from the modern cultural space but is connected by causal relations with the main tendencies of contemporary culture. Moreover, it is a bright representative expression of what is happening in the mental shifts which are taking plce in the modern world. Service, product, competition, advertising, total regimentation of steps-actions-movements, maximum control, ritualized regulations, the headship of the office to the actual production — all of this, with the transition into a farce, put it in the analyzed precedent. Folding into calculative system of thinking becomes a new form of rationality: the letter becomes an idol, scientometrics, ritual computing achievements, summarizing, creating tables and filling in report forms are a sacred

Морина Лариса Павловна — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; mlp207@yandex.ru

Соколов Евгений Георгиевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; EGSlov@gmail.com

Morina Larisa P. — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; mlp207@yandex.ru

Sokolov Evgeniy G. — Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; EGSlov@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

 DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.411

mechanism of the formation of the subject. The authors assert that, therefore, we are witnessing the birth of a new, virtual-ritualistic reality with unique spacial and temporal parameters.

Along with that, a new type of sociality is forming based on impersonal algorithms of actions, typical circuits of behavior. It is a kind of "anthropological intervention0Ф in which the only space where the subject can posit and rehabilitate himself is the element of symbols, letters, figures, calculations, and record keeping in the broad sense of the word. Refs 7.

Keywords: science, ritual, the world of everyday life, regulation, rationality, subject.

Pre Scriptum (il était un temps[1])

Прецедент случился 24 декабря 2015 г. на очередном выездном, проходившем на юридическом факультете, заседании Ученого совета нашего университета. Шла обычная рутинная процедура представления претендентов, подавших заявления на замещение должностей профессора. Действие занудное, скучное, неинтересное и в общем-то бессмысленное, ибо сведения о соискивающих сих должностей всем членам высылают по электронной почте, они также размещены на сайте университета, коли кому припадет охота ознакомиться с кандидатами — пожалуйста, ознакамливайтесь в угодной вам лично манере, стилистике и темпе, не посягая при этом на время (=жизнь) других. Но… Положено: ритуал. Процесс удлинялся еще и тем, что кроме стандартной и обязательной информации о проходящих по конкурсу новшеством последнего года было выведение на экран и наглядное представление публике сравнительных показателей публикационной активности нашего обсуждаемого в данный момент кандидата и какого-нибудь другого профессора, работающего в ином российском вузе по той же самой специальности (в той же области или направлении знания). Цифирь — вещь упертая и несдвигаемая. Против нее особо не возразишь. И с ее помощью нас *ставят на место*, дабы не закостенели в своем величии: мол, мы — лучше всех. Не лучше. Практически во всех случаях наши профессора выглядят не очень весело, порой даже и печально по сравнению со своими коллегами из других образовательных заведений. Публикационно активничают в других вузах пошустрее, принося и себе, и своим конторам немалые дивиденды в виде зачетных единиц во всяких престижных базах данных. Так было и на сей раз: нас журили, стыдили, обвиняли в нерасторопности и чванстве, грозили возможными конкурентами, рядом с которыми мы будем иметь весьма бледный вид. Никаких эмоций эти справедливые возгласы не вызывали: привыкли. И тут случился… конфуз. Где-то в середине действа, когда вывесили сравнительные показатели очередного претендента и его, как нам сказали, политеховского коллеги, зал, хоть и вяло на все реагировал, буквально единогласно грохнул от хохота и загудел. Я не знаю, кого именно подвергли «позору и поруганию», помню лишь, что это был не гуманитарий (физик? химик? математик? биолог?). Показатели у него были весьма и весьма убедительны по всем параметрам: его публикации (в приличном количестве) были размещены в журналах, входящих не только в нашу базу данных, но и в зарубежные, куда нам всем настоятельно рекомендуют прорываться. Но представитель Политехнического университета Петра Великого, безусловно, может считать себя чемпионом и безоговорочным лидером. Все цифры не вспомню, но одна пронзила: 256 публикаций за три года в Scopus, примерно столько же — в Web of Science Core Collection и чуть ли ни вдвое меньше — в РИНЦ (понимаем, что речь не идет

[1] Во время оно; было время (фр.).

о более чем 600 публикациях за трехлетие: одни и те же журналы входят в различные базы данных. Тем не менее, и 256 — цифра ужасающая и комичная одновременно, если в нее всмотреться, то налицо — наглядное воплощение эстетической категории «гротеск»!). Хотя сегодня все эти аббревиатуры у всех наших коллег на слуху, мы прекрасно осведомлены, что сие есть, однако за пределами нашего воспитательно-образовательного сообщества, скорее всего, о них немногие знают. Да и для нас это — один из последних «писков моды», который необязательно будет задавать тон вечно. «Scopus (“ско́пус”; недавняя версия официального названия: SciVerse Scopus) — библиографическая и реферативная база данных и инструмент для отслеживания цитируемости статей, опубликованных в научных изданиях. Индексирует 18 тыс. названий научных изданий по техническим, медицинским и гуманитарным наукам пяти тысяч издателей. База данных индексирует научные журналы, материалы конференций и серийные книжные издания. Разработчиком и владельцем Scopus является издательская корпорация Elsevier» [1]. Добавим: для нас, российских преподавателей вузов, на сегодняшний день и Scopus, и Web of Science Core Collection — вещи запредельные и практически недосягаемые. Напечататься в изданиях — будь то наших, будь то, уж тем более, зарубежных — ну очень сложно по многим причинам (в качестве первой большинство, как правило, указывает на свое якобы невладение английским языком на должном уровне, даже если это и так — эта причина одна из самых несущественных и легкоразрешимых). А тут — 256 публикаций за три года! Определенно, наше университетское начальство хотело этой цифирью высечь в очередной раз нас, но вышло как раз наоборот. Математики, присутствовавшие за заседании, тут же выдали: по статье каждые 3–4 дня! Без выходных и отпусков! Круглогодично! Комментировать тут нечего: абсурд и профанация. Посыпались неудобные вопросы, и на них мы получили довольно внятные ответы, суть которых сводилась к рефрену: надо стараться, надо стремиться, надо догонять. Назвали и фамилию чемпиона, которым Политех гордится: г-н Ким (имя и отчество изгладились из памяти). Как говорили знавшие его коллеги по профессиональному цеху — отнюдь не мировая величина. Не беремся оценивать его заслуг в науке и в воспитании подрастающего поколения, но можно сказать с уверенностью, что 256 публикаций — это не достижение, которым следовало бы гордиться, коли такое случилось, это надлежит тщательнейшим образом скрывать. Ну а его, г-на Кима, начальству следовало бы попристальнее к нему приглядеться с точки зрения его профпригодности, или попросту — гнать, дабы не дискредитировал весь институт. Может, так уже и поступили: на официальном сайте среди преподавательского состава персонажа с такой фамилией не существует. Давно не обновляли странички или, наоборот, как раз после обновления он и исчез?..

Нети-нети[2]

Мы далеки от того, чтобы в создавшейся ситуации (тотальной и всеохватной наукометрии с ее культом галочек, рейтингов, зачетных единиц, посредством которых нас «объективно оценивают») возложить вину и ответственность на наше

[2] В Джняна Йоге и Адвайта Веданте *нети-нети* — своего рода мантра, которую можно определить как «ни то, ни это», в более широком смысле: осмысление, мыслительная процедура, логически-риторическая операция посредством определения того, чем тот или иной феномен не является.

университетское начальство. Они, восседающие в ответственных кабинетах, — не небожители: на них также давят, вынуждая поступать надлежащим образом. Наверняка подавляющее большинство абсурдных установок, кои они реализуют благодаря соответствующим нам спускаемым циркулярам и распоряжениям, не ими выдумано, хотя несомненный энтузиазм, с которым это осуществляется, интонационный пафос, бодрые и бойкие почины, а главное — непоколебимая уверенность в святости и правомочности насаждаемого — на их совести. Бранить «генералов», обвинять именно их в наших бедах, тем паче уличать в недальновидности или непонимании *специфики* того разряда реальности (высшее учебное заведение), настройку которой осуществляют, — бессмысленно, хотя и повсеместно распространено: начальник по понятию всегда глуп, жаден, лукав и вороват. Все-то они понимают не хуже нашего, тем не менее поступают, «не как я бы поступил на их месте». Безысходность и их ситуации обусловлена тем, что регламенты жизнеустроения (профессионального в том числе) либо уже изменились, либо все равно так или иначе будут трансформироваться. И хорошо, что время от времени случаются сходные с вышеописанным прецеденты. Иначе совсем заскучали бы.

Мы далеки от того, чтобы подвергнуть тотальной критике стремление ввести хоть какие-то более или менее объективные критерии для оценки наших профессиональных достоинств. А потому вступать в дебаты и доказывать, что все эти рейтинги, скопусы, количественные показатели, списки «предпочтений», на основании которых проводится ранжирование в нашем «огороде», — вещь абсолютно тупиковая и лишена всякого смысла. Прежде всего потому, что регламенты оценки всегда были и будут. И они опять-таки всегда несовершенны: лазейки непременно отыскиваются, заслониться полностью от нерадивости и халтуры, сделать, как нынче выражаются, «все прозрачным» невозможно. И все сегодняшние новомодные технологии, которые, казалось бы, должны полностью исключить мошенничество и шарлатанство, не обезопасят и не спасут. Другой вопрос, почему так много надежд на них возлагается и с таким восторгом им доверяют. Наукометрия так или иначе всегда была, хотя и выстраивалась по другим векторным показателям. Ныне вводимая — одна из исторических форм в ряду других, уступивших место наследникам из-за своей ветхости и изношенности. С ней рано или поздно произойдет то же самое. Следовательно, тратить силы и время на ее дискредитацию и коллекционировать время от времени случающиеся потешные эксцессы, тем самым словно бы способствуя ее ниспровержению, означает заниматься пустым делом. Ибо важнее, как представляется, задуматься и понять, почему *именно так*, а *не иначе* организуется данный разряд устроения повседневности и почему он, невзирая на очевидное сопротивление (пусть и тихое, не собирающее многотысячные пикеты и митинги) подавляющего большинства задействованных (во всяком случае, в нашей державе), вызывает и отклик, и понимание, а также стремительно распространяется, оккупируя все новые территории.

Мы далеки от того, чтобы полагать нашу профессиональную стезю чем-то герметично закрытым, эзотерическим конструктом, повисающей в пустоте, вне времени и пространства, институцией. Несомненно, как бы ни был специфичен производимый нами «продукт» (разнообразные виды и формы знания), он все равно выкраивается по тем же самым производственно-технологическим лекалам, что и иные. И в этом отношении справедливо, что и в нашем цехе должны

действовать применяемые в других областях организационно-оценочные принципы. Услуга, товар, конкуренция, реклама, главенство делопроизводства по отношению к собственно производству, тотальная регламентированность шагов-действий-движений и унификация (по исчисляемому количеству показателей), максимальный контроль всех производственных цепочек, сканирование и постоянный мониторинг каждого звена, наконец, декорационные (оформительные) ритуализированные регламенты (их габитусы и варианты репрезентации) — все как у всех, как в любой другой, по букве, смыслу и сущности сходной (или трактуемой как сходная) производственной сфере. Нам даже повезло, что диктат менеджмента докатился до нас не сразу после смены социокультурных ориентиров: было время если не приспособиться, то хотя бы приглядеться к опыту других. «Менеджмент — это управленческая и хозяйственная деятельность, основанная на использовании труда, интеллекта и мотивов других людей для достижения поставленных целей. Цель менеджмента — установление наиболее *рациональной* (курсив наш. — *Л. М., Е. С.*) организации производственного процесса, направленной на минимизацию затрат и максимизацию результата» [2, с. 17]. Но как и в случае с маклюэнским утверждением «the medium is the message» именно сам менеджмент и является тем самым культурно-организационным message'ем, а также в силу меткой случайности, m*A*ssege'ем[3], что подчиняет себе всю реальность и творит ее по собственному образу и подобию.

Если некоторое время назад еще вызывало удивление, что «и кухарка» (т. е. непрофессионал в данной области) может с легкостью управлять ей отданной на производственный откуп вотчиной, нимало не заботясь о том, что здесь (как и везде) есть *своя специфика*, но смело внедряя *общепринятые,* а потому и *универсальные* принципы наладки, «показавшие эффективность своего применения», то теперь привыкли, возражения так или иначе сошли на нет. По сути же организаторы-наладчики жизни их просто проигнорировали. Корень зла (если он таковым является) — не в нашем начальстве, не в том, что не учитывается специфика области, даже и не в самой универсализации менеджмента как такового, но в тех культурных (социальных, ментальных, процессуальных, экзистенциальных, ситуационных — и все это единый комплекс) обстоятельствах, в которых мы находимся, по отношению к которому все перечисленное вторично и взаимозаменяемо. А если точнее: в том концепте реальности, который задолго до нас уже был принят и к которому наша страна подключилась после того, как распрощалась с надеждой построить на Земле коммунистический рай. Капитализм — это ведь не только определенные отношения между производительными силами и производственными отношениями и не идеология как таковая, но тот метальный ракурс реальности, благодаря которому устанавливаются горизонты данности. Ну а нами они усваиваются посредством ритуала, благодаря ему же воспроизводятся вновь и вновь и в нем же обретают свой подлинный смысл, вне которого предстают как абсурд, глупость и вселенское заблуждение. Протестовать бесполезно: тут либо надо принять, либо, как говорят американцы, «не нравится босс — смени работу».

[3] Известна история с названием работы Маклюэна: в издательстве сделали ошибку в последнем слове, и получилось выражение «the medium is the massage», которое расстроило редакторов, обнаруживших досадную оплошность, но привело в восторг автора, увидевшего в этом уточнение и развитие своей мысли.

«…Если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно?»
(В. Маяковский)

Капитализм ни терминологически, ни идеологически, ни, тем более, концептуально не является детищем К. Маркса. Скорее наоборот: лишь благодаря тому, что уже состоялся и распространился некий культурный стереотип-код, мог быть написан «Капитал». Сама по себе капиталистическая система организации жизни «оказалась возможной только потому, что определенные хозяйственные субъекты, "одержимые" капиталистическим духом, оказались способны к первоначальному накоплению металлических денег» [3, с. 40]. При этом уже нормативной экзистенциальной установкой стали мыслительные и операционные построения на основе гомогонизированных, автономных по отношению друг к другу, ограниченных по количеству единиц-структур и формирование из них неких сериальных последовательностей. Это было неизбежным последствием революционных открытий Гутенберга. Алфавит и в особенности распространение книгопечатания позволили рассекать прежде неделимые комплексы реальности на отдельные сегменты (слова-буквы) и уже из них, вторичных по отношению к феноменам, производить наборы (типографский набор). Это стало привычной процедурой и нормирующим обстоятельством. Все буквы равнозначны по своим характеристикам. Соответственно, одно слово/предложение отличается от других не *качественно*, но исключительно количественно, и они могут быть соотнесены друг с другом.

Тотальная математизация, начавшаяся со времен Р. Декарта, в случае с капитализмом обрела дополнительный оттенок, а именно — бухгалтеризации. «Бухгалтерия по методу двойной записи (убытков и доходов) легла в основу особого типа хозяйственного мышления» [3, с. 41] и мышления вообще, равно как и отношения к реальности.

Так формируется капитализм, который, хотя и определяется через рациональность и калькуляцию (бухгалтеризацию), в то же время может быть описан и в религиозных терминах. «…В основе капитализма лежит религиозная система, которая на уровне психологии дает о себе знать в неизбывном чувстве вины, связанным с тем, что капитализм становится повседневностью как "перманентная длительность культа"» (В. Беньямин) [3, с. 45]. «Чувство вины» — это мотив протестантской идеологии: избранность надо постоянно доказывать делами, заслугами, достижениями, и предъявлять-обналичивать в виде соответствующего «приличного» для каждого разряда реальности набора «зачетных единиц». В противном случае — изгнание и отлучение, в любом случае — осуждение соплеменниками: «Если ты такой умный — почему бедный?». Логика такого вопрошания, которое красной нитью проходит через все принимаемые ныне в качестве эталонных варианты антропологической оценки, вполне очевидна, и именно она лежит в основе моральных (равно как и административно-служебных) императивов: презумпция виновности (покинутости Богом и в этой покинутости — равенства). Не только мы, труженики системы образования, но и представители любых других профессиональных зон все время вынуждены доказывать свою состоятельность посредством производимого продукта, каждый — своего. При этом само производство чего угодно покончило с «органическим созданием целостных продуктов, основанных на традиционной связи эмпирического трудового опыта» [4, с. 184].

Рациональность утрачивается, и наступает эра безумия (с точки зрения классической рациональности): «Иррациональность капитализма состоит в том, что он производит новую вещественность, новый тип фиктивной материальности, которая именуется фетишизмом и означает не столько товарный мир потребления, сколько "метаязык, относящийся к магическому мышлению"» (Ж. Бодрийяр) [3, с. 64]. Именно, магическое мышление! Глядя на то, с каким восторгом, упоением, наслаждением и нешуточной страстью огромное количество людей занято бухгалтерским подсчетом всего и вся, как кропотливо и въедливо трудится над созданием все новых и новых способов оценки (сканирования) человека (методики, таблички, показатели), тратя на эти процедуры свою жизнь, нельзя не признать правоту Бодрийяра: магически загипнотизированы, заворожены!

Однако операторы-наладчики (менеджеры), ныне, по мысли Бодрийяра, определяющие контуры мира, — отнюдь не глобальная угроза. Как представляется, полностью избавиться от живого, трепетного, страстного, *цельного* человека все равно не удалось, свидетельством чего может служить не только описанный выше прецедент (кстати, не опровергающий, но подтверждающий правомочность такого, вполне себе научного подхода, ибо позволяет не только верифицировать, но и фальсифицировать данность), но и те многочисленные эксцессы, что сотрясают мир. Действительно, во все учащающихся случаях парадигмального противостояния история словно пытается стряхнуть чары обольщения просветительскими иллюзиями и сформированной на их основе либеральной мифологии. Когда сталкиваются на реальной исторической арене фантомный виртуальный мир и мир вещественно-натуральный, осязаемый (в самом буквальном смысле этого слова), мифическая природа того и другого феномена становится очевидной. Оттеняя и позиционируя друг друга, одни судорожно, но по-прежнему самозабвенно манифестируют лозунги равенства и равнозначности каждого калькулируемого индивида, а другие столь же самозабвенно сметают эту ценность энергией родового, принципиально некалькулируемого сознания.

Виртуально-бюрократический ритуал

Как и в любом другом мире, что существует по собственным правилам организации-наладки жизни, в капитализированной реальности есть свои убедительные и выразительные ритуальные программы и драмы, разворачивающиеся в топосе делопроизводства. Привычным стало иронизировать над бюрократизированными аспектами нашей сегодняшней действительности. Какие только бранные слова ни сыплются на голову чиновников. Но несомненную серьезность, сосредоточенность, непоколебимую уверенность в праведности совершаемых ими дел иначе как их ощущением принадлежности (сопричастности) к Высшему и Трансцендентному (закону, инстанции, принципу) объяснить невозможно: перед нами, очевидно и несомненно, сакральная сфера[4]. Такого рода сознание описано в деталях во всем его многообразии свойств и функций как мифологическое. Именно мифу, вечному и непреходящему, бухгалтеризация реальности обязана своими онтологическими

[4] См. (именно — СМОТРИ) фильм О. Уэллса «Процесс» (URL: http://tfilm.me/11050-process.html), 25-я минута и далее.

и экзистенциальными модусами. Его реинкарнация в новых формах не вызывает удивления, скорее наоборот, с его помощью открывается завеса тайны магического действа, совершаемого на всех уровнях структурации мира повседневности.

Каким образом калькулирование/бухгалтеризация в современном мире обретает статус настолько значимого бытийного феномена, что можно говорить о некоей новой ключевой экзистенциальной установке? Чтобы понять, как цифра и буква бухгалтерского учета и тотального контроля смогли наполниться сакральным свечением, необходимо совершить экскурс в историю ментальности.

В качестве метафизической предпосылки столь специфической рациональности можно принять фундаментальный догмат католицизма Filioque. Утверждение равенства, а не субординации двух из трех Божественных субстанций предопределило значимые сдвиги в метафизике и религиозном сознании, что впоследствии послужило первопричиной разделения Церквей Востока и Запада. Согласно Filioque, Святой Дух исходит от Отца и Сына, что имплицитно содержит утверждение природного тождества двух ипостасей, а главное — открывает возможность и реальность последовательной рационализации как в сфере духа, так и в области жизнеустроения: «…и христианская мысль, и христианская жизнь станут христоцентричными и будут связаны прежде всего с человечеством воплотившегося Слова» [5, с. 51–52]. Заложенные в Filioque смысловые возможности в дальнейшем продуктивно развил протестантизм, произведя последовательную рационализацию христианства и переместив религиозные акценты в сферу трудового этоса. Именно здесь формируются описанные выше «презумпция виновности» и комплекс вины буржуа.

Концепция рациональности мира повседневного и способов его структурирования также имеет свою предысторию. Осознание того факта, что миру повседневности присуща некая новая целостность человеческой жизни, позволила представителям школы «Анналов» (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель и др.), а также Ж. Бодрийяру, Б. Вальденфейсу, А. Щютцу и др. включить повседневность в предмет философской рефлексии и исследовать ее специфическую логику (М. Вебер, а затем и Т. Парсонс). Э. Гуссерль квалифицировал бóльшую часть высказываний повседневного опыта как «окказиональные высказывания», значимость которых соотносится с ситуацией говорящего и их местом в потоке мышления. Также он обратил внимание на тот факт, что повседневное мышление гораздо меньше интересуется вопросами формальной истинности («истина-ложь»), но пребывает преимущественно в проблемном поле операциональности (функциональности и полезности). Повседневные высказывания нацелены на получение практически значимого знания. Отсюда вывод, который делает А. Щютц, — *прагматизм* как описание стиля повседневного мышления «неоспоримо обоснован».

Таким образом, происходит констатация факта возникновения новой социальности, принципиально отличной от традиционной. Единое смысловое пространство социума конституируется уже не производительными силами и производственными отношениями, а неким *мы-отношением*, которое возникает посредством перекрестного отражения образов, мотивов, действий акторов, их ролевых ожиданий, образующих объективный контекст смысла.

В каждом конкретном случае для человека-актора существует своего рода алгоритм действий, который состоит из неписаных правил поведения, принципов

и пр., исполнение которых гарантирует успех в достижении стандартной цели жизни. В каждой типизации в имплицированном виде присутствует конституирующий ее телос. Т. Парсонс в «Структуре социального действия» называл такие действия рациональными, поскольку они «преследуют цели, возможные в условиях данной ситуации, с помощью средств, которые, из всех доступных актору, по сути, лучше всего приспособлены для данной цели…» [6, с. 173].

Типизации играют большую роль в деле социальной упорядоченности мира повседневного, поскольку они предполагают единые схемы поведения в типичных ситуациях, обеспечивая общее пространство действия и понимания. Структурно-функциональный контекст — это система координат, выстроенная на основе «взаимообусловленных социальных ролей и статусных отношений, образцов действия (performance) и значения. Такие образцы в форме ожидания… мотивируют людей выполнять функции, предписанные им их позициями в системе» [6, с. 266]. Чем выше стандартизованность типизирующей схемы, тем больше вероятность ее принятия остальными членами сообщества. Так обстоит дело с разного рода институализированными отношениями.

Такого рода типизации являются «схемами без содержания», или архетипами интерпретации, которые актуализируются в пространстве социальной интерсубъективности. Выделены следующие слои типизаций: а) «характерологические», применяемые к оценке поведения человека, степени соответствия ожидаемому типу («люди такого типа ведут себя так-то»); б) «функциональные» — учитывают социальные роли, опуская личностный аспект (почтальон, кассир и т. д.); в) «социальная коллективность» — обращена к миру трансцендентной социальной реальности, например «конгресс», «народ», «партия», «государство», обладающие наибольшей степенью анонимности [6, с. 150].

Применяя классическое описание типизаций к нашей актуальности, отметим значительную динамику этого процесса, приведшую его за короткий срок от неписаных правил поведения и «схем без содержания» к вполне и даже четко писаным правилам и регламентам конституирования мира повседневного. Калькуляция самым естественным образом становится универсальным дисциплинирующим критерием в топосе социальной интерактивности современного мира. Таким образом, мы присутствуем при рождении новой реальности, а вместе с ней и новой рациональности, которую можно определить как *виртуально-ритуалистическую*.

Сдвиги в пространственно-временном хронотопе и понимании реальности влекут за собой фундаментальные социокультуные трансформации, в том числе — способы определения идентичности. Коль скоро типизация как механизм упорядочивания мира повседневного состоит в отвлечении от индивидуальных признаков субъектов и выявлении некой универсальной модели взаимодействия, то Другой в данном случае перестает быть предметом моего личностного переживания и становится абстрактным носителем типических черт типического поведения. Так называемая ненавязчивая идентификация постепенно уступает место политике формирования функционалистской, или инструментальной, идентичности (идентичности функции). Социальное выражение лица и переживание собственной идентичности отныне — виртуальная карта, которая состоит из дигитальных черт двоичной классификации: либо есть, либо нет. Происходит своего рода «антропологическая интервенция», в результате которой единственное пространство, где

субъект может постулировать и реабилитировать себя, — это стихия знаков, букв, цифр, калькуляций, делопроизводства в самом широком смысле слова.

Снова обратимся к вечно актуальной классике. Закон социокультурной динамики состоит в том, что любая практическая деятельность тяготеет к своему как внутреннему, так и внешнему упорядочиванию, что продиктовано ее имманентной необходимостью. Так образуются устойчивые модусы бытия — институализации — в виде определенных пространственных и временных структур, социальной иерархии и субординации, управляющих центров и исполнительской периферии т. д. К примеру, право возникает на определенном этапе развития культуры из общественной потребности в регламентации внутренней жизни и поведения индивидов. Но, как показал уже Г. Зиммель [7], в этом объективном процессе содержится зерно противоречия и кризиса культуры. Порожденные потребностями жизни институты как отвердевшие культурные формы обретают независимое от субстрата жизни существование, становятся ценностью в себе и в своей автономной предметности следуют логике собственного бытия. Так, с появлением права происходит инверсия смысла, ибо теперь легитимные способы поведения индивидов реализуются не столько из потребности самой жизни, сколько потому, что побуждены и поддержаны правом. А значит, происходит отчуждение институтов от жизни, буквы от духа. А поскольку любая форма деятельности человека содержит внутри себя данную интенцию, порождающую собственные формы институализаций, то мы можем говорить о сходных процессах не только в области права, но и в науке, искусстве, политике, экономике, а также образовании.

Сформировавшиеся кристаллы утрачивают свойство сопричастности бытию, так как конкретно жизненное содержание символа оказывается подмененным рационалистическими конструкциями. Смысловое ядро той или иной формы жизнедеятельности оказывается абстрагированным, вынесенным наружу, а в дальнейшем — и абсолютизированным. «Вирус институализации» захватывает все новые и новые сферы жизни социума, которые традиционно саморегулировались на основе имманентных норм. Так, к примеру, сформированный социумом концептуальный образ «родители—дети» приобретает статус должного и выражается в форме закона (ювенальной юстиции). Смысловой концепт, который ранее был интегрирован в воспитательный процесс на правах его детерминирующей части, теперь выведен в пространство отчужденных форм и как таковой не столько довлеет над жизнью, сколько извращает ее суть.

Экзистенциальным следствием такого сдвига является утрата чувства фундаментальности общественных процессов. Вместо этого возникает переживание замещения непосредственной связи субъекта и бытия некими его симулятивными суррогатами. Институализация в своем гипертрофированном, бюрократизированном виде есть разрушение семиозиса (отрыв знака от значения) и отчуждение формы от содержания. Взросление заменяется выдачей паспорта, родительская забота о детях — выполнением требования закона, научная работа — выписыванием сакраментальных цифр в регулярных отчетах, отслеживанием индексов цитирования, ID в соответствующих базах данных и т. д. В итоге возникает новый тип реальности с уникальными пространственно-временными параметрами. Это, по сути дела, сегментированная, гомогонизированная, существующая в виде отдельных наборов-агрегатов, подразумевающих взаимозаменяемость входящих в нее струк-

тур, реальность. Она не дает шанса состояться субъективности как таковой, ибо постулированный как необходимое условие всякого автономного речения-жестадвижения кантовский трансцендентальный субъект теперь разрушен (разложен, рассечен на части).

Обратимся снова к Г. Зиммелю, чьи идеи оказываются сегодня на пике актуальности: старческое мировосприятие фокусируется на объективном содержании жизни (форме), а юношеское — на самом процессе жизни, стремящемся к преодолению всяческих формальных барьеров, препятствующих потоку жизни. Если применить данную типологию к современной европейской культуре, то мы обнаружим некий культурный парадокс. Несмотря на присущую современности декларацию вечной молодости, неувядаемой красоты и активной жизнедеятельности, тотальность институализации может служить ее паспортом, в котором записан, увы, ее подлинный возраст.

Неустранимый конфликт между буквой и духом разрешается в пользу буквы как формы, достигшей непоколебимого авторитета истины. Такова нормативная сила закона. Следовательно, современное общество, поклоняющееся форме и букве столь же подобострастно, как и общество традиции — священным объектам, вероятно, могло бы воплощать в себе некий образец неоархаики. Буква стала идолом, а ритуал вычисления, подведения итогов, составления таблиц и заполнения форм регулярной отчетности выглядит вполне сакральным механизмом сборки субъекта. На этом основании можно было бы говорить о рождении нового религиозного человека, если бы не симулятивность всего происходящего. Все-таки метафизический стержень подлинно религиозного сознания и целостность бытия Homo religious отменить нельзя — во избежание contradictio in adjecto. Но в анализируемой нами виртуальной реальности, характеризующейся признаками отчужденного бытия знаков и символов, нет возможности собрать воедино части разорванного универсума. Соответственно, для субъекта в виртуально-бюрократическом ритуализованном пространстве остается только одна возможная форма религиозности — религия *ничто*.

Литература

1. Scopus. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Scopus (дата обращения: 20.03.2016).

2. *Коленько С. Г.* Менеджмент в сфере культуры и искусства. М.: Юрайт, 2015. 370 с.

3. *Наумова Е. И.* Капитализм и культура. Философский взгляд. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2015. 232 с.

4. *Лукач Д.* Овеществление и сознание пролетариата // Лукач Д. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003. С. 179–302.

5. *Лосский Н. О.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. 288 с.

6. *Щютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

7. *Зиммель Г.* Избранное. Т. 1: Философия культуры. М.: Юрист, 1996. 671 с.

Для цитирования: Морина Л. П., Соколов Е. Г. Прецедент 256 // Вестник СПбГУ. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 4. С. 98–109.
DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.411

References

1. Scopus. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Scopus (accessed: 20.03.2016).

2. Kolen'ko S. G. *Menedzhment v sfere kul'tury i iskusstva* [*Management in the sphere of culture and art*]. Moscow, Urait Publ., 2015. 370 p. (In Russian)

3. Naumova E. I. *Kapitalizm i kul'tura. Filosofskii vzgliad* [*Capitalism and culture. Philosophical view*], St. Petersburg, The Fund for the development of conflictology, 2015. 232 p. (In Russian)

4. Lukach D. Oveshchestvlenie i soznanie proletariat [Reification and the consciousness of the proletariat]. *Lukach D. Istoriia i klassovoe soznanie. Issledovaniia po marksistskoi dialektike* [*Lukacs D. History and class consciousness. Studies in Marxist dialectics*]. Moscow, Logos-Altera Publ., 2003, pp. 179–302. (In Russian)

5. Losskii N. O. *Ocherk misticheskogo bogosloviia Vostochnoi Tserkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology]. Moscow, Center "SEI" 1991. 288 p. (In Russian)

6. Shchiutts A. *Smyslovaia struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii* [*The Semantic structure of everyday world: essays on phenomenological sociology*]. Moscow, Institute of Fund "Public opinion" Publ., 2003. 336 p. (In Russian)

7. Zimmel' G. *Izbrannoe. T. 1: Filosofiia kul'tury* [*Selected. Vol. 1. Philosophy of culture*]. Moscow, Urist, 1996. 671 p. (In Russian)

For citation: Morina L. P., Sokolov E. G. Precedent 256. *Vestnik SPbSU. Series 17. Philosophy. Conflict studies. Culture studies. Religious studies*, 2016, issue 4, pp. 98–109. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.411

Статья поступила в редакцию 9 июня 2016 г.;
принята в печать 16 июня 2016 г.